

да существуетъ и теперь... Пускай люди недальновидные или недобросовѣстные торжествуютъ мнимое воскресеніе въ нашей литературѣ теоріи «искуства для искуства», число дешевыхъ адептовъ которой такъ значительно расплодилось у насъ въ послѣдніе годы незавиднаго положенія журналистики; напускное торжество ихъ непродолжительно; въ сферѣ мысли — удѣлъ всему гнилому и мертвому одна смерть, право на жизнь можетъ имѣть только то, что здорово и сильно своей правдою — таковъ законъ природы...

Силою обстоятельствъ вопросъ объ искуствѣ и полемика объ немъ были выдвинуты у насъ въ послѣднее время на первый планъ, или лучше сказать область искуства была у насъ недавно чуть ли не единственною областью, въ которой пишущіе могли высказывать съ большею свободой свои идеи и мнѣнія; съ реформою печати все это конечно, мало по малу должно измѣниться, но теперь нѣкоторые мѣста изъ предлагаемой нами книги могутъ разсматриваться, какъ послѣднее слово нашихъ споровъ, нашей полемики. Здравый смыслъ публики, съумѣвшей одѣлать по достоинству Гоголя и Грибоедова и понять, что въ какой нибудь «Женидьбѣ

маіора» или «Вдовѣ» Федотова больше жизни и значенія, чѣмъ въ саженныхъ баталлическихъ или мифологическихъ картинахъ—служить ручательствомъ, какъ того, на чьей сторонѣ будутъ ея симпатіи, такъ и того, что и въ русскомъ искусствѣ живетъ возможность можетъ быть даже и близкаго появленія произведеній сознательнаго творчества....

Хотя нашъ переводъ печатается и безъ предварительной цензуры, вслѣдствіе дарованнаго намъ права. но мы сами рѣшили сгладить нѣкоторыя рѣзкости подлинника.

И. Курочкинъ.

Сентября 27-го

1865 года.

ГЛАВА I.

Общіе вопросы, возбуждаемые попытками Курбэ. Противорѣчіе существующихъ школъ: необходимость опредѣленныхъ рѣшеній въ искусствѣ.

Густавъ Курбэ, художникъ прославившійся порадоксальностью своихъ произведеній, написалъ картину, скандальность которой затмила бы всѣ прежнія его артистическія дерзости за 15 лѣтъ его дѣятельности, если-бы правительство не приняло противъ этого мѣръ, запретивъ просто на просто появленіе на выставкѣ 1863 года этой смѣлой картины. Сообразно такому распоряженію «Возвращеніе съ совѣщаній» не находилось въ Palais d'Industrie, ни между принятыми, ни между отвергнутыми художественными произведеніями. Поэтому поводу, противники Курбэ не преминули прокричать, что гоненіе на картину было вполне заслуженное,

справедливое, и что артистъ его только и добивался. «Курбэ», говорили они, «прибѣгнулъ къ послѣднему средству, для поддержанія своей извѣстности; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ въ теченіе которыхъ онъ раздражалъ вниманіе публики изысканнымъ безобразіемъ формы, онъ прибѣгнулъ наконецъ къ неприличію сюжетовъ. Цинизмъ его необходимо долженъ былъ навлечь на него строгость правительства — на это онъ рассчитывалъ, чтобы еще разъ заставить говорить о себѣ публику. Теперь онъ очень доволенъ, и види съ какимъ изобиліемъ иностранцы, которымъ онъ выставилъ свой *chef d'oeuvre* несутъ ему флорины, шнеи и доллары за удовлетвореніе своего нескромнаго любопытства — понимаетъ, что цѣль его достигнута. Пусть однако знаютъ иностранцы, что надъ этимъ *quasi*—профессоромъ живописи, надъ этимъ сомнительнымъ главою новой школы, не имѣющей послѣдователей, и не умѣвшей до сихъ поръ формулировать своего принципа, надъ этимъ оскорбителемъ искусства — судъ произнесенъ. Ему уже нечѣмъ болѣе привлекать зѣвакъ, арсеналъ его эффектовъ и шарлатанизма — истощился». Вслушиваясь въ эти полемическіе крики, публика, мало интересующаяся спорами о художественныхъ вопросахъ, въ которыхъ она ничего не понимаетъ — пришла въ недоумѣніе... она вообще довольно хладнокровно относится къ живописи, но весьма лакома на скандалы.

Пусть представляют себѣ читатели сцену пьянства, происходящую на большой дорогѣ у подножія дуба, въ который усердіемъ мѣстныхъ жителей вставлена свитая икона, сцену, вѣзвѣщающую сардоническій взглядъ современнаго крестьянина. Всѣ дѣйствующія лица сцены принадлежатъ къ сословію, наиболѣе почтенному въ обществѣ — духовенству... Чего, чего нѣтъ въ этой картинѣ: святотатство вмѣстѣ съ крайнею невоздержностью, кощунство объ руку съ святотатствомъ, семь смертныхъ грѣховъ съ лицемѣріемъ во главѣ, щеголяющіе въ священническихъ одеждахъ, какой-то туманъ сладострастія, разлитый по цѣлой картинѣ и наконецъ—для мастерскаго и могучаго контраста — вся эта дикая оргія изъ жизни католическаго духовенства происходитъ въ мѣстности столько же привлекательной, сколько и грандіозной, — какъ будто бы этимъ выражалась мысль, что человѣкъ, даже на высотѣ своего достоинства, существуетъ только для того, чтобы своею неизгладимою испорченностью оскорблять чистоту величія природы. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, что задумалъ изобразить Курбъ. Кроме того, для воплощенія своей мысли, онъ неудовольствовался полотномъ небольшихъ размѣровъ; нѣтъ, онъ создалъ огромную композицію, грандіозную картину, какъ будто бы сюжетъ его требовалъ этого, какъ будто онъ писалъ «Моленіе о Чашѣ», «Въѣздъ Александра Великаго

*

въ Вавилонъ», или «Клятву въ залѣ Jcu de raime». Когда эта увеселительная картина была представлена присяжнымъ, то противъ нее поднялись крики негодованія, а правительство запретило ея публичную выставку. Курбѣ однакожь на этомъ не успокоился; съ удвоенной энергіей сталъ онъ обвинять цѣлой массой своихъ товарищей по искусству въ непониманіи существеннѣйшей мысли и высокаго призванія искусства, въ ихъ участіи въ его упадкѣ, въ его развращеніи ихъ идеализмомъ, и должно замѣтить, что признанный всѣми критиками и любителями современный упадокъ искусства, придаетъ протесту Курбѣ по крайней мѣрѣ внѣшній характеръ правды. Кто при этомъ виноватъ, Курбѣ-ли, такъ называемый реалистъ, или его гонители, бойцы идеала? Кто будетъ судьей въ этомъ процессѣ, въ которомъ заинтересовано искусство, вся его сущность и вся судьба его?

Я вовсе не желаю быть ни защитникомъ, ни адвокатомъ фантазій Курбѣ. Пускай его оцѣняютъ по его дѣйствительному достоинству, сообразно съ принципами и правилами искусства: вотъ все, чего я желаю этому артисту — и предоставляю это дѣлать публикѣ. Но не естественно-ли желать, чтобы онъ былъ понятъ и чтобы его антагонисты поняли наконецъ самихъ себя? Что такое это искусство — которому съ большимъ или меньшимъ блескомъ столько лицъ посвящаютъ свою дѣятельность?

какая его сущность (принципъ), назначеніе, и на чемъ основаны его правила? Странное дѣло! Ни въ академіи, ни внѣ ея — нельзя встрѣтить человѣка, который былъ бы въ состояніи обстоятельно отвѣчать на эти вопросы. Искусство — есть что-то неопредѣленное, что то мистическое, это — поэзія, фантазія, все что хотите, оно не подчиняется анализу, существуетъ само для себя и не имѣетъ опредѣленныхъ правилъ. Читайте трактаты, написанные объ немъ, критическія статьи, рѣчи — если вы найдете въ нихъ что либо другое, то я, значитъ, способенъ самымъ грубымъ образомъ обманываться. Полнѣйшая неопредѣленность искусства, не мѣшаетъ однакоже артистамъ диспутировать между собою, совершенно также какъ диспутируютъ адвокаты и теологи, признающіе по крайней мѣрѣ принципы и основныя правила права и теологіи, осуждая одинъ другаго, какъ будто-бы ихъ окончательная невозможность понимать другъ друга — не была имъ извѣстна.

Не спрашивайте, въ чемъ состоитъ польза искусства, и къ чему служатъ въ обществѣ артисты? Есть не мало мудрецовъ и профессоровъ, которые вамъ отвѣтятъ, что существенный характеръ искусства и его слава состоятъ преимущественно въ полной независимости отъ рабскихъ, утилитарныхъ условій. Искусство свободно, говорятъ они, оно производитъ то, что ему

нравится, оно творить для своего удовольствія и никто не вправѣ сказать ему: дай отчетъ въ своихъ произведеніяхъ! Какъ! Платонъ выгонялъ изъ своей республики поэтовъ и художниковъ, Руссо обвинялъ ихъ въ развращеніи нравовъ и въ произведеніи упадка въ государствахъ. Можно ли думать послѣ существованія этихъ великихъ мыслителей, которые были сами великими писателями, великими художниками, что искусство ничего болѣе — какъ капризъ, мечтаніе, дѣнь, и неспособно произвести ничего хорошаго? Признаюсь — я не могу допустить такихъ послѣдствій и поневолѣ, зная что искусство очевидно способность человѣческаго разума, я спрашиваю самаго себя, какая же функція у этой способности, что за смыслъ ея дѣятельности и—выходя изъ этого—какое его назначеніе, частное и соціальное.

Пусть Курбъ пишетъ пьяныхъ священниковъ, а Фладренъ изображаетъ ихъ во время отпращиванія ими богослуженія, пусть въ живописи намъ представляютъ крестьянъ, солдатъ, лошадей и деревья — все что мы можемъ видѣть сколько угодно въ природѣ, пусть, что еще сильнѣе, представляютъ намъ во всѣхъ видахъ вымышленныя изображенія то лицъ глубокой древности, о которыхъ мы ничего не знаемъ, то геросовъ романовъ, то фей, ангеловъ, языческихъ боговъ — произведенія фантазіи или суевѣрій, что намъ до всего этого за дѣло?

Какъ можетъ насъ все это серьезно интересовать? Что за дѣло до этого, нашей наукѣ общественнаго и экономическаго устройства, нашему правительству? Какая связь всего этого съ нашими нравами? Что прибавляетъ все это къ нашему благосостоянію, къ нашему совершенствованію? Прилично ли мыслищимъ людямъ заниматься этими драгоценными бездѣлушками? Есть ли у насъ, наконецъ, для этого довольно времени и денегъ?.. Вотъ, что мы, люди практическіе, люди здраваго смысла, не посвященные въ таинства и тонкости искусства, имѣемъ конечно полное право спросить у артистовъ, конечно не для того, чтобы ихъ огорчать, но чтобы утвердиться въ знаніи, что думаютъ они сами о себѣ и чего ждутъ и хотятъ отъ насъ, а на это-то именно, не смотря на то, что эти господа, *genus irritabile*, постоянно полемизируютъ, никто до сихъ поръ ясно не отвѣтилъ.

Въ каждые два года разъ, а прежде даже и ежегодно, во Франціи, правительство угощаетъ публику большою выставкою живописныхъ, скульптурныхъ и другихъ художественныхъ произведеній. Промышленныя выставки не повторяются никогда такъ часто, да и введены онѣ гораздо позднѣе художественныхъ. На дѣлѣ эти художественныя выставки представляютъ ярмарки артистовъ, на которыхъ они продаютъ свои произведенія и ждутъ съ

безповойствомъ покушниковъ. Для этихъ исключительныхъ тержествъ, правительство назначаетъ особую комиссію присяжныхъ, обязанную слѣдить за присыдаемыми произведеніями и отличать изъ нихъ лучшія. Сосображаясь съ отчетомъ этой комиссіи, правительство выдаетъ золотыя и серебряныя медали, ордена, почетные отзывы, денежныя вознагражденія и пансіоны; для знаменитыхъ артистовъ, при извѣстномъ условіи возраста и таланта, открываются мѣста въ Римѣ, въ академіи, въ сенатѣ. За всю эту щедрость расплачиваемся мы, профаны, какъ за содержаніе арміи или поддержку проселочныхъ дорогъ, изъ чего слѣдуетъ нѣкоторая аналогія между промышленниками и художниками, и однакожь никто, ни въ сенатѣ ни въ академіи, ни въ Римѣ, ни въ комиссіи присяжныхъ, не сумѣетъ доказать законность этой статьи бюджета, опредѣливъ понитно искусство и его значеніе для семьи, страны и правительственной власти. Отчего не предоставить артистовъ своимъ средствамъ и не перестать объ нихъ заботиться, какъ не заботятся объ акробатахъ и канатныхъ плясунахъ? Можетъ быть это было бы лучшимъ средствомъ для узнанія, какъ того, что они такое, такъ и того, чего они стоятъ.

Чѣмъ болѣе размышляешь о вопросѣ искусства и артистовъ, тѣмъ болѣе встрѣчаешь поводовъ къ удивленію. Энгръ, профессоръ живо-